

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КРИСТИАН ХЕРПФЕР,

*Институт перспективных исследований
(Вена)*

Новый индекс демократии Демократизация общественности в пятнадцати государствах Европы (1991–1998)*

Abstract

The author suggests a new index of democracy developed as a result of analysis of new democracies in post-communist countries. The index can be applied in order to measure society democratization degrees while non-democratic regimes transform into democratic ones at the individual level of social environment: from rising and consolidate democracies to mature ones. The index is constructed on the 9-item base and makes it possible to determine correlation between a democratic support degree and personal indicators, like educational level, place of residence, age and gender.

Понятие демократизации и демократии

Процесс демократизации, который происходил после 1989 года в посткоммунистической Европе, является частью “третьей волны демократизации”, согласно терминологии С.Хантингтона [1]. Эта третья волна демократизации началась в 1974-м и прокатилась по Португалии, Испании и несколько позже по Центральной и Восточной Европе после annus mirabilis осени 1989 года.

* Перевод сделан по материалам конференции: East Europe Ten Years After Communism. Transforming Power and Economy. Papers presented at an International conference, held at Goteborg University, June 13–16, 2000.

В литературе по демократизации выделяется три разных теоретических подхода [2]. Поттер и его коллеги обозначают эти подходы как: 1) “модернизационный”, 2) “транзитологический” и 3) “структурный”. Теоретические цели этой статьи состоят в том, чтобы предложить четвертый подход к анализу процесса демократизации, теоретическую концепцию, которую я называю “трансформационным подходом”. “Модернизационный подход” тесно связан с разработками Сеймура Мартина Липсета 1960-х и 1970-х годов, а в 1980–1990-х весьма плодотворно применялся Ларри Даймондом [3]. “Транзитологический подход” развивался прежде всего Данквортом Ростоу, а в настоящее время весьма рельефно представлен Гильермо О’Доннелом, а также Хуаном Линцем и Альфредом Степаном [4]. “Структурный подход” был выдвинут Энтони Гидденсом [5] и Баррингтоном Муром [6] в 1960-х годах, а также Дитрихом Рушмейером [7] в 1990-х. “Трансформационный подход”, впервые представленный в этой статье, можно охарактеризовать рядом концептуальных элементов.

Три основных процесса

Трансформационный подход характеризуют три основных процесса:

- 1) демократизация, ведущая к демократии;
- 2) маркетизация, ведущая в направлении к рыночной экономике;
- 3) создание гражданского общества.

Специфическая характеристика посткоммунистического перехода заключается в том, что мы являемся свидетелями не только политической трансформации тоталитарного режима в плюралистическую демократию. Мы в то же время наблюдаем трансформацию плановой экономики в свободную рыночную экономику в Центральной и Восточной Европе и, наконец, трансформацию в направлении гражданского общества со свободными ассоциациями. Одно из наиболее глубоких и наиболее драматичных, а также наиболее очевидных структурных изменений после 1989 года заключалось в преобразовании централизованной плановой экономики в децентрализованную рыночную за весьма короткий период. К тому же возникновение совершенно новых экономических субъектов и построение новых экономических институтов и правовых рамок для обеспечения условий свободной экономической деятельности происходило чрезвычайно быстро. Но если и можно указать исторические примеры успешных процессов демократизации, например в Греции, Испании и Португалии (речь идет о тех нескольких членах Европейского Союза, которым удалось справиться с трудным переходом от авторитарного правления к демократии), то об опыте преобразования плановой экономики в рыночную экономику говорить не приходится. Таким образом, экономическая трансформация, развернувшаяся после 1989 года в Центральной и Восточной Европе, была, возможно, даже более трудной, чем политическая трансформация тоталитарного режима в плюралистическую демократию.

В этой работе анализируется только первый процесс — демократизация, и не затрагиваются другие существенно важные процессы — маркетизация и постепенное создание социального капитала в развивающемся гражданском обществе. Эти аспекты следует проанализировать в отдельных публикациях. Трансформационный подход и его аспекты представлены на рис. 1.

Трансформация	Демократия	Рыночная экономика	Гражданское общество
Процесс	Демократизация	Маркетизация	Создание социального капитала
Макроуровень	(1) Политическая система	(2) Экономическая система	(3) Формальный социальный капитал Общественные ассоциации
Мезоуровень	Политические институты	Экономические институты	Неправительственные организации
Микроуровень	(4) Граждане	(5) Домохозяйства, компании	(6) Неформальный социальный капитал Семья, дети

Рисунок 1. Трансформационный подход

Данная статья касается только поля 4, поведения и установок граждан посткоммунистических государств в условиях новых политических режимов и их отношения к демократии.

Трансформационный подход охватывает также пять других полей: новые политические системы и новые экономические системы на макроуровне, а также многообразие ассоциаций и неправительственных организаций как части нарождающегося гражданского общества на мезоуровне. На микроуровне трансформационный подход анализирует также экономическое поведение в рамках домохозяйств в посткоммунистических странах и образование неформального социального капитала на индивидуальном уровне. Для того чтобы разработать теорию посткоммунистической трансформации, необходимо принять во внимание все шесть областей исследования. Следовательно, данная статья представляет собой только самый первый шаг в объяснении политических трансформаций, происходивших в период с 1989 года в посткоммунистической Европе.

Демократизация как открытый процесс

Центральное концептуальное допущение трансформационного подхода состоит в том, что мы должны говорить не о “переходе”, а о “трансформации”. Термин “переходный” подразумевает, что существует прямой путь от состояния *A* к определенной стадии *B*, от коммунистической политической системы к либеральной демократии, от централизованной плановой экономики к рыночной экономике. Понятие перехода предполагает четкий конечный пункт политического развития, например плюралистическую и либеральную демократию. Поэтому процесс изменений представляет собой для теоретиков перехода (транзитологов) четко очерченный путь от пункта *A* в пункт *B*. Теория перехода определяет цель изменений и состояние, когда эта цель достигнута и переход завершен. На уровне политической системы мы видим состояние *A*, например коммунистическую партийную систему, переходный период от состояния *A* и достижение состояния *B* — либеральной демократии. Этот статичный способ видения не используется в трансформационном подходе, который рассматривает многообразие политических изменений после 1989 года как динамичные и открытые. Трансформационный подход не постулирует “квази-естественной” цели и задачи

изменений. Результат политических, а также экономических трансформаций открыт и не задается в начале или в ходе сравнительного анализа изменений.

Межнациональные сопоставления

Сравнительный метод, используемый здесь, представляет собой не предметное исследование одной или нескольких стран, а систематическое сопоставление множества стран. Трансформационный подход, в том виде как он представлен в этой статье, на данном этапе не ставит своей целью создание универсальных, применимых ко всему миру объяснений. Понятия, используемые здесь, имеют силу только для тех европейских стран, которые освободились от коммунизма после 1989 года. Эти страны мы обозначаем как “посткоммунистические страны”; мир моего трансформационного подхода в настоящее время ограничен следующими “трансформирующимися странами”:

1. Центральная Европа: Чехия (1), Венгрия (2), Польша (3), Словакия (4), Словения (5).
2. Южная Европа: Болгария (6), Хорватия (7), Федеративная Республика Югославия (ФРЮ) (8), Румыния (9).
3. Северная Европа: Эстония (10), Латвия (11), Литва (12).
4. Восточная Европа: Беларусь (13), Российская Федерация (14), Украина (15).

Эти пятнадцать посткоммунистических стран образуют географический регион, охватываемый данной статьей. Другие страны, также являющиеся частью “мира” трансформационного подхода, но не анализируемые здесь, станут целью дальнейших исследований трансформации: Албания, Македония, Молдова, Армения, Грузия, Кыргызстан и Казахстан.

Сопоставления во времени в период трансформации

После межнациональных сопоставлений другой формой сравнительных исследований, используемых трансформационным подходом, являются временные сопоставления. Необходимо многократно измерять различные стадии трансформации для того, чтобы постоянно отслеживать процессы изменений в то время, когда они происходят, а не задним числом. Измерения данных, касающихся процесса демократизации, проводились в 1991, 1992, 1994, 1996 и 1998 годах. Результатом межнациональных сопоставлений пятнадцати посткоммунистических государств и лонгитюдного сравнения данных пяти исследований в период между 1991-м и 1998 годом. является комплексная матрица “страна–время”, выступающая как база эмпирических данных для обоснования теоретического подхода.

База данных статьи

С 1991 года Кристиан Херпфер работал главным исследователем программы сравнительных исследований и занимался анализом социальных, экономических и политических изменений в семнадцати посткоммунистических странах. Австрийская исследовательская программа носит название “Барометр новых демократий” (БНД). Исследования проводились пятикратно, начиная с 1991 года (см. табл. 1). Кристиан Херпфер организовал

и координировал 50 репрезентативных выборочных опросов в период с 1991-го по 1998 год. (см.: cspp.strath.ac.uk/SEEC). Профессор Ричард Роуз из Центра Исследований Публичной политики (CSPP) университета Стретчклайда с 1991 года является международным научным советником БНД. Ричард Роуз — главный исследователь программ “Барометр новой России (БНР)” и “Барометр новой Балтии (БНБ)”, организованных университетом Стретчклайда. “Барометр новых демократий” получал в 1991—1998 годах финансовую поддержку от Министерства исследований Австрии и от Австрийского Национального Банка. Программа “Барометр новых демократий—6” 2001 года, которая охватывает семнадцать посткоммунистических стран, финансируется Европейским Союзом.

Таблица 1

Барометр новых демократий

Страна	1991	1992	1994	1996	1998	2001
	БНД1	БНД2	БНД3	БНД4	БНД5	БНД6
А. Центральная Европа						
1. Чехия	660 (1)	1.408 (8)	1.167 (18)	978 (29)	1.017 (39)	2.000
2. Венгрия	1.019 (2)	970 (9)	1.060 (19)	1.067 (30)	1.017 (40)	2.000
3. Польша	1.193 (2)	1.113 (10)	1.057 (20)	1.057 (31)	1.141 (41)	2.000
4. Словакия	291 (4)	625 (11)	574 (21)	1.117 (32)	1.011 (42)	2.000
5. Словения	1.049 (5)	1.013 (12)	1.023 (22)	1.000 (33)	1.000 (43)	2.000
В. Южная Европа						
6. Болгария	1.002 (6)	1.164 (13)	1.139 (23)	1.184 (34)	1.007 (44)	2.000
7. Хорватия	*	1.000 (14)	1.000 (24)	1.000 (35)	1.000 (45)	2.000
8. ФРЮ	*	*	*	*	1.000 (46)	2.000
9. Молдавия	*	*	*	*	*	2.000
10. Румыния	1.000 (7)	1.000 (15)	1.000 (25)	1.038 (36)	1.241 (47)	2.000
С. Восточная Европа						
11. Беларусь	*	1.225 (16)	2.067 (26)	1.000 (37)	1.000 (48)	2.000
12. Россия	*	*	3.535 (27)	*	*	4.000
13. Украина	*	1.000 (17)	1.000 (28)	1.000 (38)	1.161 (49)	2.500
Д. Кавказ и Центральная Азия						
14. Армения	*	*	*	*	*	2.000
15. Грузия	*	*	*	*	*	2.000
16. Казахстан	*	*	*	*	*	2.000
17. Кыргызстан	*	*	*	*	*	2.000

Число в ячейках показывает количество индивидуальных интервью, проведенных в данной стране.

Создание нового индекса демократии

На основе анализа новых демократий автор разработал “индекс демократии” на уровне общественности посткоммунистических стран (см. табл. 2). Цель применения этого индекса состоит в том, чтобы измерить

степень демократизации обществ на индивидуальном уровне в процессе преобразования недемократических режимов в демократические. Индекс демократизации призван определить те сегменты посткоммунистических обществ, которые могут быть обозначены как “демократы” или “граждане, поддерживающие демократию”. Имеются в виду люди, отождествляющие себя с нынешней плюралистической демократией, будучи при этом демократами в большей или меньшей степени, однако не обязательно поддерживающие реально существующий политический режим. Индекс демократии, впервые представленный в этой статье, не измеряет оценку деятельности действующего правительства на данный момент времени. Предполагается, что он должен измерять поддержку демократии как принципа и формы режима, противоположной другим, недемократическим формам политических режимов. Мой индекс демократии состоит из девяти позиций.

Индекс демократии: девять позиций

Негативная оценка коммунистического политического режима.

Вопрос: “Здесь дана шкала оценки функционирования системы правления. Отметка +100 соответствует высшей оценке; оценка –100 — худшей. Где бы на этой шкале Вы поместили прежний коммунистический режим?” В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, давшие старому коммунистическому политическому режиму негативную оценку от –10 до –100.

Позитивная оценка новой демократии или нынешнего политического режима

Вопрос: “Здесь дана шкала оценки функционирования той или иной системы правления. Отметка +100 соответствует высшей оценке, –100 — низшей. Где бы на этой шкале Вы поместили нынешнюю систему правления со свободными выборами и множеством партий?” В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, давшие нынешней новой демократии позитивную оценку от +10 до +100 (См. прил., табл. I).

Оптимизм в отношении будущего демократических парламентов

Вопрос: “Некоторые считают, что управление страной было бы лучше, если бы парламент был распущен, а все партии запрещены. Как Вы полагаете, насколько вероятно, что это произойдет в следующие несколько лет?” В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, предполагающие, что роспуск демократического парламента и запрет всех демократических партий “маловероятен” или “совсем невероятен” (См. прил., табл. II).

Поддержка демократического национального парламента

Вопрос: “Некоторые считают, что управление страной было бы лучше, если бы парламент был распущен, а все партии запрещены. Одобряете ли Вы это?” В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, которые “определенно не одобрили” роспуск парламента и запрет демократических партий (См. прил., табл. III).

Непритие авторитарного лидера как альтернативы демократии

Вопрос: *“Нынешняя система правления не единственная, существовавшая в этой стране. Некоторые считают, что мы жили бы лучше, если бы управление страной было другим? Ответьте, пожалуйста, согласны ли Вы с утверждением, что было бы лучше отказаться от парламента и выборов и иметь сильного лидера, который может быстро принимать всевозможные решения?”* В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, для которых “совершенно неприемлем” или “отчасти неприемлем” сильный лидер как альтернатива демократии (См. прил., табл. IV).

Непритие военного режима как альтернативы демократии

Вопрос: *“Нынешняя система правления не единственная, существовавшая в этой стране. Некоторые считают, что мы жили бы лучше, если бы страна управлялась по-другому. Каково Ваше мнение? Ответьте, пожалуйста, согласны ли Вы с утверждением, что было бы лучше, если бы страной правила армия?”* В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, которые “совершенно не приемлют” или “отчасти не приемлют” военный режим как альтернативу демократии (См. прил., табл. V).

Непритие монархии как альтернативы демократии

Вопрос: *“Нынешняя система правления не единственная, существовавшая в этой стране. Некоторые считают, что мы жили бы лучше, если бы управление страной было другим. Каково Ваше мнение? Ответьте, пожалуйста, согласны ли Вы с утверждением, что было бы лучше вернуться к монархии?”* В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, которые “совсем несогласны” или “отчасти несогласны” с возвратом или новым установлением монархии как альтернативы демократии. В трех балтийских государствах этот вопрос не задавался. В качестве функционального эквивалента мы использовали следующую формулировку: “Если существующая система (демократии) не может привести к быстрому результату, то есть все основания попробовать какую-либо другую систему правления”. В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица в трех балтийских государствах, которые отвергают это утверждение и проявляют политическую терпимость к новой демократической политической системе (См. прил., табл. VI).

Непритие возврата к коммунистическому политическому режиму как альтернативе демократии

Вопрос: *“Нынешняя система правления не единственная, существовавшая в этой стране. Некоторые считают, что мы жили бы лучше, если бы управление страны было другим. Каково Ваше мнение? Ответьте, пожалуйста, согласны ли Вы с утверждением, что было бы лучше, если бы мы вернулись к коммунистическому правлению?”* В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, которые “совсем несогласны” или “отчасти несогласны” с возвращением к коммунистическому правлению как альтернативе демократии.

Оптимизм в отношении будущего демократии

Вопрос: *“Здесь дана шкала оценки функционирования той или иной системы правления. Отметка +100 соответствует высшей оценке, -100 — низшей. Где бы на этой шкале Вы поместили нынешнюю систему правления*

со свободными выборами и многопартийностью через 5 лет?» В качестве демократов в этом пункте рассматриваются все лица, которые дают будущей системе позитивную оценку от +10 до +100.

В итоге индекс демократии имеет 10 баллов. Например, 10 означает, что человек является демократом по всем 9 позициям, 9 означает, что респондент является демократом по 8 из 9 позиций, 1 означает, что человек является “не-демократом” по всем 9 позициям. Получившиеся в результате группы можно определить следующим образом:

- А. Демократы: 9–10.
- В. Умеренные демократы: ... 8.
- С. Умеренные недемократы: . 7.
- Д. Не-демократы: 1–6.

Предлагаемый индекс демократии распространяется на тех людей, которые являются демократами по 7 из 9; 8 из 9; по всем 9 позициям, что обеспечивает весьма точную операционализацию концепта “демократы”. Индекс демократии охватывает категорию “демократов” (баллы 9–10), а также группу “умеренных демократов” (8 баллов). Результаты показаны в таблице 2.

Таблица 2

Индекс демократии в посткоммунистических обществах (Индекс демократии, 8–10)

Источники: БНД 3 (1994), БНД 4 (1996), БНД 5 (1998).

Исследование в Российской Федерации 1994 года, БНБ (1994), БНБ (1996).

Страна	1994	1996	1998	Изменения
Центральная Европа	57	52	61	4
1. Польша	47	52	66	19
2. Чехия	77	69	65	-12
3. Венгрия	50	38	62	12
4. Словения	*	47	57	10
5. Словакия	55	53	55	0
Южная Европа	56	52	55	-1
1. Румыния	59	60	56	-3
2. Хорватия	65	51	55	-10
3. Болгария	44	45	54	10
4. ФРЮ	*	*	37	*
Северная Европа	28	30	*	2
1. Эстония	43	46	*	3
2. Литва	18	27	*	9
3. Латвия	22	18	*	-4
Восточная Европа	21	14	30	9
1. Беларусь	23	15	41	18
2. Украина	25	12	19	-6
3. Россия	15	*	*	*

Если в данном обществе более чем 60% населения можно обозначить как “демократы”, тогда я говорю о “консолидированной демократии”. Понятие “консолидированной демократии” относится к гражданам посткоммунистических стран и отвечает индивидуальному уровню. Процессы консолидации демократии на мезоуровне и на макроуровне следует измерять с помощью других методов. Степень демократизации на уровне элит и институтов также должна анализироваться другими методами политической науки. Здесь я сосредоточиваюсь на степени демократизации на микроуровне трансформирующихся обществ. Если в данном обществе более чем 40% электората идентифицированы как “демократы”, тогда я говорю о становящихся демократиях. Все общества с долей демократов, составляющей меньше чем 40% населения, являются трансформирующимися обществами, где демократия — один из путей политического развития среди множества других возможных форм режима. Результат трансформации в этих обществах остается неопределенным, и она не ведет с неизбежностью к демократии.

Анализ предложенного индекса демократии весьма четко показывает различные степени демократизации в посткоммунистической Европе. В Центральной Европе в среднем 61% общественности можно обозначить как “демократы”. Таким образом, можно подтвердить гипотезу, что страны центральноевропейского региона уже представляют собой консолидированные демократии в том, что касается их граждан. Страной с наибольшим количеством демократов является Польша. В 1998 году 66% всех граждан Польши были демократами. В 1994 году в польском электорате было только 47% демократов; в 1996-м их количество увеличилось до 52% всех граждан Польши. Переход от становящейся к консолидированной демократии в Польше произошел между 1996 и 1998 годами. С 1998 года Польша определенно входит в число европейских консолидированных демократий и поэтому хорошо подготовлена к политической европейской интеграции на уровне общественности.

Чехия, где в 1998 году 65% граждан отдавали предпочтение демократии, занимает второе место по уровню демократизации. Тенденция в Чехии была противоположна наметившейся в Польше тенденции. В 1994 году у 77% населения Чехии отмечались демократические установки на грани “демократической эйфории”. Политические события и их восприятие в массовом сознании при правительствах премьер-министра Клауса и премьер-министра Земана стали в своем роде холодным душем для “демократической эйфории” и самооценки Чехии как “идеального типа демократической трансформации”. Однако будет вполне оправданно отнести нынешний политический режим Чехии к категории консолидированных демократий в той же группе, что и Польша. Весьма высока также доля граждан-демократов в Венгрии, в 1998 году этот показатель составлял 62%. В первые годы политической трансформации мы были свидетелями сильного скептицизма в отношении демократии вообще и новой венгерской демократии в частности. В 1996 году насчитывалось только 38% демократов, но в 1998-м более 60% венгерской общественности поддерживало новую демократию, что несомненно вывело Венгрию в первую группу консолидированных демократий в Центральной и Восточной Европе наряду с Польшей и Чехией.

После 10 лет политической трансформации 3 из 15 посткоммунистических стран достигли статуса консолидированной демократии: Польша, Чешская Республика и Венгрия. В Словении доля граждан-демократов достигает 57% населения, что ставит словенскую демократию чуть ниже пороговых 60%, необходимых для того, чтобы квалифицировать ее как консолидированную демократию. В Словакии мы обнаруживаем постоянное большинство граждан (значительно превышающее 50% словацкого электората), которые могут быть отнесены к категории демократов. В 1998 году значительное большинство — 55% — граждан Словакии выражали демократические ценности и установки. Подтверждением этого факта были общие выборы осени 1998 года, когда правительство премьер-министра Дзуринды пришло на смену правительству премьер-министра Мечьяра. Во всем регионе Центральной Европы мы не находим ни одной новой политической системы, где бы граждане, поддерживающие принципы и ценности плюралистической демократии и обеспечивающие массовую поддержку демократии в перспективе, составляли менее 50% электората.

В Южной Европе мы обнаруживаем большинство, поддерживающее демократию, почти во всех странах этого беспокойного региона. В среднем доля демократически ориентированных граждан-демократов в Южной Европе составляет 55%. Однако в Южной Европе пока еще нельзя говорить ни об одной консолидированной демократии. В таких странах, как Румыния, Хорватия, Болгария, мы обнаружили абсолютное большинство граждан-демократов, значительно превышающее 50%, но в настоящее время порог консолидированной демократии не достигнут ни одной южноевропейской страной. Румыния с ее 56% граждан, поддерживающих демократию, более всего приблизилась к консолидированной демократии. Но для достижения этого статуса ей необходимо, чтобы количество граждан-демократов возросло на 5–10%. В Хорватии, где в 1994 году отмечалось 65% граждан-демократов, мы обнаруживаем особую ситуацию: на этой ранней стадии политической трансформации массы хорватского электората находились под сильным влиянием двух политических факторов — Хорватия пребывала в состоянии войны со своими соседями и, вместе с тем, была новым независимым государством. Оба фактора нарушали и искажали результаты исследования в Хорватии, порождая своего рода энтузиазм военного времени по отношению к своей, находящейся в осаде стране.

Весьма интересен случай Болгарии. Доля болгарских демократов постепенно возрастает — с 44% в 1994 году до 54% в 1998-м, несмотря на огромные политические и экономические трудности в первой фазе трансформации, особенно вследствие застоя в период правления Болгарской социалистической партии (БСП), наследницы Болгарской коммунистической партии. Три основные страны Южной Европы — Румынию, Хорватию и Болгарию можно охарактеризовать как развивающиеся демократии, где доля граждан, которых я отношу к категории “демократов”, насчитывает приблизительно 55% населения. Здесь мы сталкиваемся с любопытной дилеммой, состоящей в том, что процесс демократизации успешно развивается на индивидуальном уровне, тогда как демократизация на мезо- и макроуровне политической системы — с точки зрения, например, построения демократических институтов и формирования демократических элит — несколько отстает. В Федеративной Республике Югославии, несмотря на авторитарный

режим президента Милошевича и тот факт, что Сербия и Черногория в течение многих лет ведут войну, мы обнаруживаем группу, насчитывающую 37% югославской общественности, которая выражает демократические принципы и установки. Эта группа, по всей видимости, представляет собой основу демократических изменений в Федеративной Республике Югославии в будущем.

В балтийских государствах нельзя обнаружить надлежащие признаки консолидированной демократии. Только Эстония квалифицируется как становящаяся демократия — 46% эстонцев поддерживали демократию в 1996 году. В Литве в 1996 году имелось только 27% демократов, тогда как в Латвии мы обнаружили еще меньше граждан, отдающих предпочтение демократии — 18%. Степень демократизации на индивидуальном уровне в посткоммунистической Северной Европе больше напоминает постсоветскую модель в Восточной Европе, чем модель перехода в Центральной Европе. В Восточной Европе в среднем 30% граждан постсоветских стран можно отнести к категории “демократы”. Наивысшая доля граждан с демократической ориентацией была обнаружена в Белоруссии (41% в 1998 году). В Украине только 19% граждан поддерживали принципы и ценности парламентской демократии в 1998 году, в России доля граждан с демократическими установками гораздо ниже: в 1994 году только 15% российского электората квалифицируются как “демократы” в соответствии с предложенным определением. В Восточной Европе мы не смогли обнаружить консолидированной демократии на индивидуальном уровне, что, впрочем, не было большим сюрпризом. Только в Беларуси имеется более чем 40% электората с демократическими установками, что несколько неожиданно, принимая во внимание разрыв между демократизацией на уровне общественности и состоянием политической системы в стране. Однако это может быть показателем некоторого “демократического давления” снизу, в противовес нынешнему авторитарному режиму президента Лукашенко.

Влияние уровня образования на уровень поддержки демократии

Мы постулировали следующие гипотезы, которые теперь будут проверяться эмпирически при помощи сравнительных данных Барометра новых демократий.

Гипотеза 1: Чем выше уровень образования граждан посткоммунистических стран, тем больше поддержка развивающейся демократии.

Основной социальной группой в категории “демократы” в посткоммунистических обществах во всем регионе являются люди с высшим образованием. В Центральной Европе в среднем 79% всех граждан посткоммунистических стран с учеными степенями, а также студентов поддерживают демократию как форму правления, тем самым образуя главную опору демократии. Доля демократов в группе людей с высшим образованием в странах Центральной Европы возросла с 74% в 1994 году до 79% в 1998-м (см. табл. 3).

Наибольшее количество демократов среди людей с высшим образованием обнаружено в Венгрии, где 88% всех окончивших высшие учебные заведения и студентов явно поддерживают демократию. О демократизации венгров, имеющих высшее образование, можно судить по тому факту, что в

1994 году мы обнаружили 76% демократов в этой социальной группе, а в 1998-м эта доля возросла до 88%. Расширение поддержки демократии наиболее очевидно в польском обществе: в 1994 году только 65% всех поляков, окончивших вузы, поддерживали молодую польскую демократию, тогда как в 1998-м доля демократов в группе с высшим образованием резко возросла — до 86%.

Таблица 3

Образование и демократия
Доля демократов в группе людей с высшим образованием

Страна	1994	1996	1998	Изменения
Центральная Европа	74	76	79	5
1. Венгрия	76	65	88	12
2. Польша	65	75	86	21
3. Чехия	95	88	80	-15
4. Словакия	58	72	72	14
5. Словения	*	80	71	-9
Южная Европа	67	60	62	-5
1. Румыния	79	69	77	-2
2. Болгария	61	60	74	13
3. Хорватия	62	50	56	-6
4. ФРЮ	*	*	41	*
Северная Европа	42	44	*	2
1. Эстония	60	62	*	2
2. Литва	38	40	*	2
3. Латвия	27	29	*	2
Восточная Европа	31	20	37	6
1. Беларусь	32	21	47	15
2. Украина	36	19	26	-10
3. Россия	25	*	*	*

Чешская модель довольно сильно отличалась от венгерской и польской. В 1994 году на удивление много — 95% чехов, окончивших вузы, поддерживали демократию. Наблюдение за реалиями чешской демократии и некоторое отрезвление после демократической эйфории первой половины 1990-х годов привели к сокращению доли демократов в группе с высшим образованием до 80% в 1998 году. Процесс демократизации словацкого общества развивался гораздо медленнее, чем в Венгрии, Польше, Чехии, и на несколько низшем уровне. В 1994 году только 58% словаков с высшим образованием отдавали предпочтение демократии как новой форме политического режима. В конце эры премьер-министра Мечьяра в 1998 году доля демократов увеличилась до 72%. В Словении мы обнаруживаем, так же, как и в Чехии, сдвиг от демократической эйфории к реализму. В 1998 году только 71% людей с высшим образованием в Словении поддерживали демократию, что относит Словению к одной группе со Словакией, далеко позади Венгрии, Польши, а также Чехии. Венгры и поляки с высшим образованием могут

быть охарактеризованы как “зрелые демократы”, доля которых приближается к 90%. Люди с высшим образованием и студенты Чехии, Словакии и Словении полностью соответствуют критериям граждан консолидирующейся демократии (границы которой колеблются в пределах 60–80% демократов) с показателями в пределах 70–80%, причем чехи находятся на пороге “зрелой демократии”.

В Южной Европе степень демократизации людей с высшим образованием значительно ниже, чем в Центральной Европе. Только 67% людей с высшим образованием и студентов принадлежали здесь к демократам в 1994 году, что составляет довольно низкую долю, которая в 1998-м еще сократилась — до 62%. В Южной Европе мы можем идентифицировать две различные модели демократизации. Одна характерна для южных стран черноморского региона, другая — для территории бывшей Югославии. В Румынии и Болгарии группа людей с высшим образованием соответствует критериям консолидирующейся демократии — доля демократов в этой группе значительно превышает 70%. В Румынии процент демократов среди граждан с высшим образованием несколько снизился в 1994–1998 годах — с 79 до 77%. Высокий показатель 1994 года, вероятно, был следствием значительного улучшения положения румынских граждан после падения недемократического режима в стране. Однако в Болгарии можно говорить о стабильном распространении демократических установок и ценностей среди людей с высшим образованием, — с 61% в 1994 году до 74% в 1998-м. Степень демократизации лиц, закончивших вузы, весьма схожа в Болгарии и Румынии, обе страны могут быть отнесены к категории консолидирующихся демократий применительно к определенным социальным группам, по крайней мере если речь идет о людях, закончивших вузы, и студентах. В Хорватии, а также в Сербии и Черногории наблюдается совершенно иная картина: в Хорватии доля демократов в группе людей, закончивших вузы, и студентов университетов снизилась с 62% в 1994 году до 56% в 1998-м. В Федеративной Республике Югославии только 41% граждан с высшим образованием поддерживают демократию. Столь низкий уровень демократизации людей с высшим образованием в Хорватии, а также Сербии и Черногории, вероятно, является следствием того факта, что авторитарные режимы президента Милошевича и Туджмана и опыт региональных военных конфликтов значительно усложнили для общественности этих постюгославских государств-преемников развитие демократических ценностей и демократической политической культуры. Хорватские граждане с высшим образованием соответствуют критериям становящейся демократии (показателем которой является наличие 40–60% граждан, поддерживающих демократию); в Сербии доля людей с высшим образованием едва превышает порог консолидирующейся демократии.

В Северной Европе уровень демократизации в группе людей с высшим образованием гораздо ниже, чем в Центральной и Южной. В 1994 году в среднем 42% граждан балтийских государств в группе людей с высшим образованием являлись демократами. В 1996-м эта цифра несколько возрастает — до 44%. В Эстонии демократы составляют явное большинство (62%) лиц с высшим образованием и студентов. В Литве доля демократов с высшим образованием ниже, чем в Эстонии, и насчитывает 40%. Наконец, в Латвии мы обнаруживаем наиболее низкий уровень демократизации среди

балтийских государств. Только 29% латвийцев могут быть охарактеризованы как демократы.

В Восточной Европе количество демократов среди лиц с высшим образованием увеличилось с 31% в 1994 году до 37% в 1998-м. К нашему удивлению мы обнаружили сдвиг в демократизации на уровне широкой общественности в Беларусь. В 1994 году только 32% лиц, закончивших вузы, и студентов могли быть отнесены к категории демократов. В 1998 году эта доля возросла до 47%, несмотря на недемократический режим президента Лукашенко в тот же период. Таким образом, Беларусь, по всей видимости, представляет собой интересный случай общества, которое становится все более демократичным, в то время как правительство этой страны становится все менее демократичным. Противоположная тенденция наблюдается в Украине, где в группе людей с высшим образованием доля демократов, составлявшая в 1994 году 36%, в 1998-м снизилась до 26%. В наблюдаемый период белорусский электорат стал более демократичным, а украинское общество менее демократичным. В России лишь меньшинство, составляющее 25% граждан с высшим образованием, можно охарактеризовать как демократов.

Влияние места проживания на уровень поддержки демократии

Мы постулируем следующую гипотезу, которая будет проверена эмпирически с помощью данных исследования, полученных в рамках Барометра новых демократий.

Гипотеза 2: Люди, проживающие в городской среде, выражают более сильную поддержку демократии, чем проживающие в сельской местности.

В этом разделе анализируются взаимосвязи между особенностями города и деревни и динамикой демократизации в посткоммунистических обществах. Во всех пятнадцати странах мы обнаруживаем одну и ту же модель: наибольшую долю демократов можно обнаружить в городах в отличие от небольших населенных пунктов сельской местности. В Центральной Европе наибольшая доля демократов концентрируется в больших городах с населением более 100 000 жителей. Эта основная группа “городских демократов” в центральноевропейской буферной зоне с 66% в 1994 году возросла до 72% в 1998-м (см. табл. 4). В Чехии неожиданно впечатляющее большинство — 84% — жителей крупных городов с населением более чем 100 000 являются демократами в соответствии с нашим определением и образуют центральный элемент демократии на микроуровне чешского общества.

В то время как демократический статус чешских городов остается стабильным с течением времени, мы наблюдаем сильную волну демократизации в крупных польских городах в течение наблюдаемого периода: в 1994 году только 50% поляков, проживающих в крупных городах с более чем 100 000 жителей, были демократами. Эта довольно низкая доля, если сравнивать с чешскими или словацкими крупными городами, за четыре года увеличилась и составляла в 1998-м 74% городских жителей. В Словакии жители крупных городов, подобных Братиславе, были оплотом демократии в течение 90-х годов и основным элементом демократической оппозиции политическому режиму президента Мечьяра. Доля демократов в словацких крупных городах с населением более чем 100 000 жителей остается в 1994-м и 1998 году на постоянном уровне — около 70%. В Венгрии взаимосвязь между урбанизацией и демократизацией весьма сходна с ситуацией в Поль-

ше. В 1994 году только 57% венгров, проживающих в крупных городах, можно было охарактеризовать как демократов. В 1998 году этот показатель возрастает до 72%. В Словении мы также наблюдаем волну демократизации в крупных городах — от 55% в 1996 году до 70% в 1998-м. Главная особенность в целом характерной для Центральной Европы модели состоит в том, что более крупные города являются оплотом демократов и что доля граждан-демократов достигает приблизительно 70% жителей во всех крупных городах Центральной Европы, что показывает высокую степень однородности поддержки демократии в этой наиболее передовой части посткоммунистической Европы. Жители крупных городов в Чехии, Польше, Словакии, Венгрии и Словении вполне соответствуют критериям консолидирующейся демократии.

Таблица 4

Влияние места проживания на уровень поддержки демократии
Доля демократов среди жителей крупных городов с населением более чем 100 тыс.

	1994	1996	1998	Изменения 1994–1998
Центральная Европа	66	64	72	6
1. Чехия	84	84	*	0
2. Польша	50	58	74	24
3. Словакия	74	68	73	–1
4. Венгрия	57	57	72	15
5. Словения	*	55	70	15
Южная Европа	63	58	56	–7
1. Болгария	54	53	66	12
2. Румыния	63	64	61(2)	–2
3. Хорватия	71	58	56(2)	–15
4. ФРЮ	*	*	40(2)	*
Северная Европа	31	32	*	1
1. Эстония	45	47	*	2
2. Литва	26	34	*	8
3. Латвия	23	16	*	–7
Восточная Европа	23	18	34	11
1. Беларусь	28	22	42	14
2. Украина	23(2)	13	26	3
3. Россия	18	*	*	*

В Южной Европе общая модель сильно отличается от описанной выше. Во-первых, количество демократов в более крупных городах снизилось с 63% в 1994 году до 56% в 1998-м. Во-вторых, в Румынии, Хорватии и Сербии наибольшее количество демократов наблюдается теперь не в крупных, а в средних городах с числом жителей от 10 тыс. до 100 тыс. человек. Только Болгария демонстрирует ту же самую модель взаимодействия между урбанизацией и демократизацией, что и Центральная Европа. В 1994 году 54%

болгар, проживающих в крупных городах, подобных Софии, являлись демократами в соответствии с нашим определением. Этот показатель возрастает до 66% демократов в крупных городах Болгарии в 1998 году. В Румынии в 1994 и 1996 годах бастионами демократии были более крупные города, в которых доля демократов составляла 60% жителей. К нашему удивлению, в 1998 году в средних городах с населением от 10 тыс. до 100 тыс. жителей мы обнаружили больше демократов, чем в крупных городах. Тот же феномен наблюдается в Хорватии: доля демократов в крупных городах в 1994–1996 годах сократилась с 71% до 58%, и в 1998-м мы обнаруживаем, что главной опорой демократии являются средние города Хорватии. В Сербии и Черногории наибольшая доля демократов была отмечена не в крупных, а в средних городах с населением от 10 000 до 100 000.

В Северной Европе жители более крупных городов могут быть охарактеризованы как основная группа сторонников демократии, хотя речь идет о гораздо более низком уровне, чем в Центральной Европе. В среднем треть граждан балтийских государств, проживающих в городах с населением более чем 100 000, являются демократами, соответствующими нашему определению. Только городские жители Эстонии соответствуют критериям развивающейся демократии, жители крупных городов Литвы или Латвии попадают в категорию трансформирующейся демократии, в частности, учитывая особенно низкую долю демократов в городах Латвии.

Взаимосвязь между урбанизацией и демократизацией в Восточной Европе находится на том же уровне, что и в Северной, но лонгитюдная модель отличается от модели, характерной для Северной Европы. Доля демократов в больших городах России, Беларуси и Украины увеличивается с 23% в 1994 году до 34% в 1998-м, что составляет меньшинство, однако растущее меньшинство. Крупные города Беларуси, такие как Минск, стали более демократичными в ходе процесса политической трансформации. В 1994 году только 23% белорусов, проживающих в крупных городах, являлись демократами. В 1998 году их доля возросла почти в два раза и составила около 42%. В 1994-м относительными бастионами демократии были средние города с населением от 10 тыс. до 100 тыс. жителей, где доля демократов достигала 23% жителей. После того как в 1996 году в крупных городах Украины была зафиксирована катастрофически малая доля демократов (13%), в 1998-м мы могли наблюдать медленное восстановление демократии на микроуровне. При этом доля демократов достигла 26% жителей крупных городов Украины, таких как Киев и Львов.

Влияние возраста на поддержку демократии

Решающим фактором успешного развития процесса демократизации является поддержка демократии в различных возрастных группах. Наше теоретическое допущение состоит в том, что чем глубже укоренена новая демократия в первом посткоммунистическом поколении, тем выше шансы успешной и устойчивой демократизации посттоталитарного общества. Люди старшего поколения прожили при коммунизме от 50 до 70 лет, и мало шансов, что эта возрастная когорта превратится в сколько-нибудь значительных масштабах в граждан, поддерживающих демократию после стольких лет социализации при недемократическом режиме.

Общий результат нашего анализа заключается в том, что наиболее молодая возрастная группа (16–29 лет) в двенадцати из пятнадцати посткоммунистических стран является наиболее “демократичной” возрастной группой. Только в Польше, Словакии и Хорватии возрастная группа 30–59-летних в большей мере демократически настроена, чем польская, словацкая и хорватская молодежь. В Центральной Европе первое посткоммунистическое поколение составляет возрастную группу с наибольшим уровнем поддержки демократии и постепенно с течением времени становится все более демократичной. В 1994 году 61% всех молодых людей в Центральной Европе могли определяться как демократы, и их количество возросло до 65% в 1998 году (см. табл. 5).

Таблица 5

Возраст и демократия
Доля демократов в возрастной группе от 18 до 29 лет

	1994	1996	1998	Изменения 1994–1998
Центральная Европа	61	56	65	4
1. Венгрия	55	43	73	18
2. Чехия	78	79	70	–8
3. Польша	54	53(2)	68(2)	14
4. Словения	*	54	61	7
5. Словакия	56	53	55(2)	–1
Южная Европа	60	57	57	–3
1. Болгария	55	57	71	16
2. Румыния	62(2)	62	64	2
3. Хорватия	63 (2)	53	55(2)	–8
4. ФРЮ	*	*	39	*
Северная Европа	31	35	*	4
1. Эстония	43	50	*	7
2. Литва	22	29(2)	*	7
3. Латвия	28	25	*	–3
Восточная Европа	30	19	38	8
1. Беларусь	28	20	49	21
2. Украина	32	18	26	–6
3. Россия	18	*	*	*

Венгерская молодежь является наиболее демократичной группой во всех посткоммунистических странах: в 1994 году только 55% молодых венгров принадлежали к демократии, а в 1998-м их доля увеличилась до 73% всей венгерской молодежи. В Чехии, где молодое поколение последовательно поддерживало демократию в течение всего процесса перехода, доля молодых чешских демократов уменьшилась с 78% в 1994 году до 70% в 1998-м, что отражает распространение более реалистического отношения к демократии среди молодых чехов после демократической эйфории первых лет переходного периода, достигшей своего пика в 1996 году. В Словении, где молодежь также составляет оплот демократии, выявленная модель ана-

логична венгерской и чешской моделям. В 1996 году 54% молодых словенцев являлись демократами, в 1998-м эта доля увеличилась до 61%. В Польше и Словакии возрастное распределение демократов, как оказалось, отличается от Венгрии, Чехии и Словении, где отмечалось доминирование первого посткоммунистического поколения среди демократов.

В Польше возрастной группой с наибольшим уровнем поддержки демократии являются граждане в возрасте от 30 до 59 лет, а не молодежь. Молодые поляки также весьма положительно настроены в поддержку демократии, но доля демократов в этой возрастной группе немного ниже, чем доля демократов в средней возрастной группе. В 1996 году 53% поляков среднего поколения могли характеризоваться как демократы. В 1998 году этот показатель возрос до 61%. Единственным возможным объяснением этой модели может быть более ранний процесс демократизации, тесно связанный с деятельностью движения “Солидарность”, следствием чего была изначально высокая политическая мобилизация этой возрастной когорты в поддержку демократии. В Словакии молодое поколение было возрастной группой с наиболее высоким уровнем поддержки демократии в 1994-м (56% демократов) и 1996 году (53%), но в 1998-м таковой становится среднее поколение словаков в возрасте от 30 до 59 лет.

В Южной Европе модели взаимосвязей между возрастом и демократией отчасти похожи, но вместе с тем отличаются от центральноевропейских. В Южной Европе, как и в Центральной, в большинстве стран молодое посткоммунистическое поколение является возрастной группой, в наибольшей степени поддерживающей демократию. В то время как в Центральной Европе количество демократов в посткоммунистическом поколении возрастает в течение переходного периода, в Южной Европе оно остается стабильным на весьма высоком уровне. В 1994 году 60% молодых южноевропейцев принадлежали к демократам, в 1998-м этот показатель немного снизился — до 57%. И вновь болгарская модель очень близка к модели, характерной для Центральной Европы в целом и особенно для ситуации в Венгрии. В 1994 году абсолютное большинство молодых болгар, насчитывающее 55%, являются демократами. В 1998-м эта цифра возрастает до 71%. В Румынии абсолютное большинство — 64% молодых румын — могут быть охарактеризованы как демократы. Таким образом, первые посткоммунистические поколения в Болгарии соответствуют критериям консолидирующихся демократий, где доля демократов достигает 60–80%. В Сербии и Черногории возрастной группой с наибольшей долей демократов являются молодые люди в возрасте до 29 лет. В первом посткоммунистическом поколении Сербии демократами в соответствии с нашим определением являются 39% респондентов, что составляет меньшинство сербской молодежи. В Хорватии влияние возраста на уровень поддержки демократии носит совершенно иной характер. Здесь, как в Польше и Словакии, среднее поколение является возрастной группой, в наибольшей степени поддерживающей демократию. Абсолютное большинство хорватов (55%) в возрасте от 30 до 59 лет являлись демократами и оплотом демократии в 1998 году, в период правления президента Туджмана.

Молодежь Балтии является основной группой, поддерживающей демократию, хотя и на гораздо более низком уровне, чем молодежь Центральной и Южной Европы. В 1994 году 31% молодых граждан в трех балтийских государствах принадлежали к демократам, а в 1996-м эта доля увеличилась

до 35%. Мы обнаружили наиболее сильную поддержку в Эстонии, где 50% представителей молодого поколения могут быть охарактеризованы как демократы. В Латвии только 25% молодежи являются демократами, причем указанная доля имеет тенденцию к сокращению. И наконец, в Литве мы находим аналог польской модели, в соответствии с которой именно среднее поколение литовцев в возрасте от 30 до 59 лет, а не молодежь Литвы является основной группой, отдающей предпочтение демократии.

Вопреки нашим ожиданиям, поддержка демократии молодежью Восточной Европы оказывается в среднем более высокой по сравнению с молодежью балтийских стран. В 1994 году 30% представителей постсоветской молодежи являлись демократами, в 1998-м этот показатель увеличивается до 38%. Наиболее динамично процесс демократизации протекал у молодого постсоветского поколения Беларуси, где доля демократов возросла с 28% в 1994 году до 49% в 1998-м, достигая уровня Эстонии и явно превосходя сербскую молодежь с точки зрения демократических умонастроений. В Украине количество молодых людей, поддерживающих демократию, уменьшилось с 32% в 1994-м до 26% в 1998 году, что отражает сокращение общей поддержки демократии в Украине. И наконец, в Российской Федерации только удручающе малая доля (18%) молодых россиян может быть отнесена к демократам.

Влияние гендерных различий на уровень поддержки демократии

Общий результат анализа взаимосвязи между гендерными различиями и поддержкой демократии в течение рассматриваемого периода трансформации заключается в том, что в общем мы действительно обнаружили, что доля демократов среди мужчин больше, чем среди женщин. В Центральной Европе на протяжении всего исследуемого периода количество демократов-мужчин постоянно на 5% превышает количество демократов-женщин. В Словакии мы обнаруживаем — вопреки общей тенденции — несколько большую группу демократов-женщин в 1994-м и 1996 году, но в 1998-м группа демократов-мужчин была на 9% больше, чем группа демократов-женщин (см. табл. 6).

В Словении гендерный разрыв в пользу мужчин почти так же велик, как и в Словакии, и составляет 8%. В Польше преобладание мужчин сокращается с 11% в 1994 году до 4% в 1998-м. В Чехии и Венгрии почти нет различий между мужчинами и женщинами с точки зрения степени демократизации в обеих социальных группах. В Чехии гендерный разрыв в пользу мужчин составляет 3%. В Венгрии мы обнаруживаем больше женщин-демократов, чем мужчин, что делает Венгрию единственной центральнойвропейской страной, где женщины, поддерживающие демократию, преобладают над мужчинами.

В Южной Европе гендерный разрыв в пользу мужчин, поддерживающих демократию, несколько выше, чем в Центральной Европе. В 1994 году в группе жителей Южной Европы мы обнаружили на 5% больше мужчин-демократов, чем женщин. В 1998 году этот разрыв возрастает до 6%. В Румынии мужчины-демократы заметно преобладают над женщинами. В 1994 году разрыв между ними достигал 5%, а в 1998-м возрос до 10%. В Хорватии, а также в Сербии и Черногории мы обнаружили, что в группе

демократов мужчин на 6% больше, чем женщин. Причем в Хорватии этот разрыв остается достаточно стабильным. В то же время в Болгарии гендерный разрыв в пользу мужчин уменьшился с 5% в 1994-м до 3% в 1998 году. Весьма любопытный феномен состоит в том, что в странах бывшей Югославии демократами является гораздо больше мужчин, чем женщин, что касается не только Хорватии, Сербии и Черногории, но также Словении. В наиболее развитых демократиях посткоммунистической Европы, в Венгрии, Чехии и Польше гендерный разрыв либо весьма незначителен, либо равен нулю. Более высокая степень демократизации на уровне обществности предполагает, по всей видимости, выравнивание количественных уровней сторонников демократии с точки зрения гендерных различий и сглаживания различий между представителями обеих гендерных групп в этом решающем для успешной политической трансформации аспекте.

Таблица 6

**Разность долей демократов среди мужчин и женщин
(+ превышение доли мужчин; – превышение доли женщин)**

	1994	1996	1998	Изменения 1994–1998
Центральная Европа	5	5	5	0
1. Словакия	-0.3	-1.3	9	9
2. Словения	4	16	8	4
3. Польша	1	-0.5	4	-7
4. Чехия	4	-0.5	3	-1
5. Венгрия	7	9	-0.5	-8
Южная Европа	5	7	6	1
1. Румыния	5	9	10	5
2. Хорватия	5	7	6	1
3. ФРЮ	*	*	6	*
4. Болгария	5	5	3	-2
Северная Европа	4	4	*	0
1. Эстония	5	6	*	1
2. Литва	1	5	*	4
3. Латвия	7	-0.2	*	-7
Восточная Европа	5	5	5	0
1. Россия	6	*	*	*
2. Украина	8	3	6	-2
3. Беларусь	2	6	-0.6	-2

В Северной Европе граждане балтийских стран мужского пола в большей степени поддерживают демократию, чем женщины, особенно в Эстонии и Литве. В этих двух государствах Балтии гендерный разрыв в пользу мужчин составляет примерно 5%. Вместе с тем, в Латвии при анализе латвийских демократов мы все-таки не находим различий, связанных с полом. Балтийская модель весьма похожа на восточноевропейскую. В России и Украине демократические установки в большей степени присущи

мужчинам, чем женщинам. Причем гендерный разрыв составляет 6%. Подобный гендерный разрыв, возможно, был бы обнаружен и в Белоруссии, но вследствие сильной волны демократизации белорусского электората в течение 1996–1998 годов доли мужчин и женщин, поддерживающих демократию, здесь оказались равными. Эту демократизацию белорусского общества на микроуровне не следует ошибочно воспринимать как демократизацию на макроуровне системы управления, чего отнюдь не наблюдалось [8].

Заключение

Анализ политических трансформаций в пятнадцати посткоммунистических странах в период с 1991-го по 1998 год показал, что следует говорить не об одной посткоммунистической Восточной Европе, что предполагало бы гомогенность процесса демократизации региона, а о ряде весьма различных регионов в рамках бывшего “советского блока”. В данной статье идентифицированы четыре таких региона, демонстрирующих дивергентные модели политических изменений. Первым и наиболее развитым регионом является Центральная Европа, включающая Польшу, Чехию, Венгрию, Словению и Словакию. Вторым регионом — Южная Европа, охватывающая Румынию, Хорватию, Болгарию и страны бывшей Федеративной Республики Югославии. Третьим посткоммунистическим регионом, выделенным в этой работе, является посткоммунистическая Северная Европа — Эстония, Литва и Латвия. И наконец, четвертый посткоммунистический регион — Восточная Европа, включающая Беларусь, Украину и Российскую Федерацию. Основная черта этих четырех регионов состоит в том, что мы обнаруживаем в них не конвергенцию моделей политического развития, а очевидную дивергенцию путей политических изменений.

Главный элемент новизны данной работы заключается в концептуализации и разработке автором “индекса демократии”, впервые дающего возможность в сравнительной политологии измерять с помощью единых количественных данных степень и уровень демократизации на микроуровне политических изменений, то есть на уровне посткоммунистической общности пятнадцати стран. Микроанализ сложных процессов демократизации, осуществленный в статье, показал, что Польша, Чехия и Венгрия уже могут быть отнесены к категории консолидированных демократий, поскольку 60% населения этих центральноевропейских стран уже являются “гражданами посткоммунистических государств, поддерживающими демократию”. В Словении и Словакии явное большинство общества также отдает предпочтение демократии, в частности Словения весьма близка к состоянию консолидированной демократии.

Второй уровень демократизации наблюдается в посткоммунистической Южной Европе: Румыния, Хорватия и Болгария могут быть охарактеризованы как страны становящейся демократии, поскольку во всех трех южноевропейских странах более чем 50% населения могут быть отнесены к демократам, что значительно превышает порог в 40% граждан, поддерживающих демократию, характерный для становящихся демократий. Сербия и Черногория представляют собой девиантный случай в Южной Европе. Речь идет о трансформирующемся обществе с непредсказуемой перспективой развития демократизации на микроуровне.

В Северной Европе только Эстония, где доля демократов составляет 46%, соответствует критериям становящейся демократии, тогда как Литва и Латвия относятся к трансформирующимся обществам, где демократия представляет собой одну из альтернатив среди множества возможных форм политического режима.

Самая низкая степень демократизации на уровне общественности была обнаружена в Восточной Европе. В Украине и Российской Федерации демократами являются менее 20% населения. Столь низкий уровень демократизации широких слоев населения делает будущее демократии в России и Украине весьма неопределенным, оставляя открытой дорогу разным альтернативам демократии. Отклоняющимся и интересным случаем в Восточной Европе является Беларусь, где население соответствует критериям развивающейся демократии при одновременно недемократической макро-системе управления.

На микроуровне граждан посткоммунистических стран Польша, Чехия, Венгрия, Румыния, Хорватия и Болгария перешли черту, за которой процесс демократизации невозможно повернуть вспять. Демократия как форма политического режима все больше укореняется в этих обществах в процессе политической трансформации. Эстонию и Беларусь можно отнести к становящимся демократиям на уровне общественности. Взаимодействие между поддержкой демократии на микроуровне и действиями на макроуровне политической элиты будет определять дальнейший ход демократизации в этих странах. В странах бывшей Федеративной республики Югославии, в Литве, Латвии, Украине и Российской Федерации позиции демократии весьма слабые, с точки зрения ее поддержки гражданами данных государств. В этих странах не исключена трансформация в сторону недемократического режима и отнюдь не очевидно, что результатом политической трансформации будет достижение демократии. В этих пяти трансформирующихся посткоммунистических обществах демократия, очевидно, является только одной из возможных альтернатив политических изменений, в том числе недемократических.

Кто в настоящее время принадлежит к демократам в Европе? Существует ли твердая структура поддержки демократии в посткоммунистических странах? Главной группой, поддерживающей демократию во всех четырех посткоммунистических регионах, являются граждане с высшим образованием, проживающие в крупных городах, а также молодое поколение. Эти социальные группы во всех пятнадцати странах составляют авангард и бастион демократии на микроуровне политической трансформации. В Центральной Европе более 80% всех лиц с высшим образованием относятся к демократам, более 70% жителей городов с населением свыше 100 000 человек отличаются демократическими установками, и почти 70% посткоммунистической молодежи Центральной Европы могут быть охарактеризованы как демократы. Таким образом, рецептом будущего успеха демократии в посткоммунистических странах является модернизация — повышение образовательного уровня и урбанизации этих обществ в сочетании с сильной опорой на демократизирующий потенциал молодежи — от Праги до Москвы — и учетом их роли в посткоммунистическом обществе в целом.

Приложения**Таблица I**

Поддержка нынешнего правительства
 Здесь дана шкала для оценки работы правительства.
 Отметка “+ 100” соответствует высшей оценке,
 отметка “-100” — наихудшей.

Где на этой шкале вы поместили бы современный режим?
 (% респондентов с позитивными установками: от +10 до +100)

	БНД1	БНД2	БНД3	БНД4	БНД5	БНД1-5
	1991	1992	1994	1996	1998	Изме- нения
Центральная Европа	56	59	61	66	55	-1
1. Польша	52	56	69	76	66	14
2. Чехия	71	71	78	77	56	-15
3. Венгрия	57	43	51	50	53	-4
4. Словения	49	68	55	66	51	2
5. Словакия	50	58	52	61	50	0
Южная Европа	67	56	57	57	46	-21
1. Румыния	69	68	60	60	66	-3
2. Болгария	64	55	59	66	58	-6
3. ФРЮ	*	*	*	*	*	*
4. Хорватия	*	44	51	44	27	-17
Северная Европа	*	*	48	45	*	*
1. Эстония	*	*	67	61	*	-6
2. Литва	*	*	35	39	*	4
3. Латвия	*	*	43	34	*	-9
Восточная Европа	14	32	39	31	35	21
11. Беларусь	*	35	29	35	48	13
12. Россия	14	36	48	26	36	24
13. Украина	*	25	24	33	22	-3

**Ожидания в отношении перспектив
демократического национального парламента**

**Вопрос: Некоторые люди полагают, что управление страной
улучшилось бы, если бы парламент был распущен
и не было такого множества политических партий.
Как вы думаете, насколько вероятно, что это
произойдет в течение нескольких следующих лет?**

	% лиц, указавших малую вероятность					
	БНД1	БНД2	БНД3	БНД4	БНД5	Измене- ния
	1991	1992	1994	1996	1998	
Центральная Европа	59	66	64	68	83	24
1. Польша	44	40	47	38	90	46
2. Венгрия	75	76	71	75	90	15
3. Словения	60	81	64	83	85	25
4. Чехия	61	64	72	80	80	19
5. Словакия	53	67	65	66	72	19
Южная Европа	69	69	67	75	77	8
1. Болгария	70	66	63	74	91	21
2. ФРЮ	*	*	*	*	73	*
3. Хорватия	*	67	69	73	71	4
4. Румыния	68	73	69	77	70	2
Северная Европа	*	*	61	76	*	15
1. Литва	*	*	60	85	*	25
2. Эстония	*	*	71	80	*	9
3. Латвия	*	*	51	63	*	12
Восточная Европа	*	59	55	69	73	14
1. Украина	*	60	51	58	75	15
2. Беларусь	*	57	51	64	73	16
3. Россия	*	*	62	84	70	8

Таблица III

Степень поддержки национального парламента
Вопрос: *Одобряете вы или нет роспуск парламента и запрет*
политических партий?

	% лиц, высказавших неодобрение					
	БНД1	БНД2	БНД3	БНД4	БНД5	Измене- ния
	1991	1992	1994	1996	1998	
Центральная Европа	80	76	75	77	78	-2
1. Венгрия	75	75	70	74	83	8
2. Польша	67	57	71	68	81	14
3. Чехия	88	78	82	85	78	10
4. Словакия	85	81	76	78	77	-8
5. Словения	85	89	*	81	73	-12
Южная Европа	85	82	77	83	76	-9
1. Хорватия	*	94	80	82	88	-6
2. Болгария	79	72	75	78	77	-2
3. Румыния	90	81	76	88	72	-18
4. ФРЮ	*	*	*	*	67	*
Северная Европа	*	*	58	72	*	14
1. Эстония	*	*	70	78	*	8
2. Литва	*	*	55	77	*	22
3. Латвия	*	*	50	60	*	10
Восточная Европа	*	63	51	53	63	0
1. Беларусь	*	68	57	60	72	4
2. Россия	*	*	40	61	62	22
3. Украина	*	58	56	39	55	-3

**Альтернативы демократии:
поддержка сильного и авторитарного лидера**
**Вопрос: *Согласны ли вы с мнением, что было бы лучше
распустить парламент, отменить выборы
и иметь сильного лидера, способного
быстро решать проблемы?***

	% лиц, выразивших согласие				
	БНД2	БНД3	БНД4	БНД5	Изменения
	1992	1994	1996	1998	
Центральная Европа	27	27	23	19	-8
1. Польша	31	35	33	28	-3
2. Словакия	24	24	19	23	-1
3. Венгрия	27	18	21	18	-9
4. Словения	*	42	29	14	-28
5. Чехия	24	16	12	13	-11
Южная Европа	47	28	19	20	-27
1. Болгария	66	45	22	29	-37
2. Румыния	27	30	29	27	0
3. ФРЮ	*	*	*	12	*
4. Хорватия	*	9	5	11	2
Северная Европа	*	*	44	51	7
1. Литва	*	*	57	61	4
2. Латвия	*	*	37	49	12
3. Эстония	*	*	37	44	7
Восточная Европа	65	49	62	43	-22
1. Украина	53	56	67	55	2
2. Беларусь	76	57	56	37	-39
3. Россия	*	33	*	36	3

Таблица V

**Альтернативы демократии:
поддержка военного режима**
**Вопрос: *Согласны ли вы с мнением, что было бы лучше,
если бы армия управляла страной?***

	% лиц, выразивших согласие			
	БНД3	БНД4	БНД5	Изменения
	1994	1996	1998	
Центральная Европа	5	3	3	2
1. Польша	11	4	6	-5
2. Словакия	4	1	6	2
3. Чехия	2	3	3	1
4. Словения	8	4	1	-7
5. Венгрия	2	3	1	-1
Южная Европа	12	9	12	0
1. Румыния	19	12	18	-1
2. Болгария	14	15	13	-1
3. ФРЮ	*	*	12	*
4. Хорватия	3	1	4	1
Северная Европа	4	4	*	0
1. Литва	6	5	*	-1
2. Латвия	4	4	*	0
3. Эстония	3	2	*	-1
Восточная Европа	12	13	13	1
1. Россия	10	11	15	5
2. Украина	10	15	14	4
3. Беларусь	15	13	10	-5

Альтернативы демократии: поддержка монархии
Вопрос: *Согласны ли вы с мнением, что было бы лучше вернуться к монархии?*

	% лиц, выразивших согласие		
	БНДЗ	БНД5	Изменения
	1994	1998	
Центральная Европа	4	4	0
1. Словакия	2	5	3
2. Польша	6	4	-2
3. Чехия	3	4	1
4. Венгрия	5	4	1
5. Словения	*	3	*
Южная Европа	14	14	0
1. ФРЮ	*	24	*
2. Болгария	19	18	-1
3. Румыния	18	11	-7
4. Хорватия	4	3	-1
Восточная Европа	8	10	2
1. Украина	7	12	5
2. Россия	9	11	2
3. Белоруссия	8	8	0

Литература

1. *Huntington S.P.* The Third Wave. Democratization in the Late Twenties Century. — Norman, 1991.
2. *Potter D., Goldblatt D., Kiloh M., Lewis P. (eds.)*. Democratization. — Cambridge, 1997.
3. *Diamond L.* Developing Democracy toward Consolidation. — Baltimore; London, 1999.
4. *Linz H.H., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation Southern Europe, South America, and Post-Comunist Europe. — Baltimore; London, 1996.
5. *Giddens A.* Sociology. — Cambridge, 1993.
6. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. — Boston, 1966.
7. *Rueschemeyer D., Stephens E., Stephens J.* Capitalist Development and Democracy. — Cambridge, 1992.
8. *Marples D.R.* Belarus. A-denationalized Nation. — Amsterdam, 1999.